

19. Философия // Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел / Ред. Д. Дидро, Ж. Даламбер.— М., 1994.— С. 331.
20. Столяров Ю. Н. Документный ресурс.— М.: Либерея, 2001.— 152 с.
21. Отле П. Труды по библиотековедению. Руководство для общественных библиотек. Организация умственного труда. Руководство к администрированию: Практическое пособие / Вступительная статья и научная редакция Ю. Н. Столярова.— М.: Либерея, 2002.— 232 с.
22. Отле П. Библиотека, библиография, документация: избранные труды пионера информатики / Предисловие, составление, комментарий Р. С. Гиляревского.— М.: ФАИР-ПРЕСС: Пашков дом, 2004.— 350 с.
23. Электронные документы: создание и использование в публичных библиотеках: Справочник.— СПб., 2007.— С. 18-39.
24. Майстрович Т. В. Электронный документ в библиотеке: Науч.-метод. пособие.— М.: Либерея-Бибинформ, 2007.— 144 с.
25. Семилетов С. И. Электронный документ как продукт технологического документирования информации и объект правового регулирования // Государство и право.— 2003.— № 1.— С. 97.
26. Плешкевич Е. А. Общая теория документа: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук.— Краснодар, 2009.
27. Кондаков Н. И. Логический словарь.— М., 1971.— С. 602.
28. Столяров Ю. Н. Документ — понятие конвенциональное (в порядке дискуссии) // Делопроизводство.— 2005.— № 4.— С. 11-24.
29. Швецова-Водка Г. Н. Определение документа в документационно-информационной науке / Препринт; БАН СССР.— Л., 1991.— 44 с.
30. Швецова-Водка Г. Н. К дискуссии об определении документа // НТИ. Сер. 1.— 2007.— № 8.— С. 1-6.
31. Терминологический словарь по теории и практике научной информации / ВИНТИ.— М., 1964.— С. 44.
32. Гельман-Виноградов К. Б. Пространственная одиссея документов как глобальное явление // Отечественные архивы.— 1992.— № 6.— С. 25.
33. Ларьков Н. С. Документоведение: Учеб. пособие / Томский гос. ун-т.— М., 2006.— С. 48.
34. ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения.— М., 1998.
35. Моргенштерн И. Г. Документ: информация и/или носитель? // Науч. и техн. б-ки.— 2003.— № 2.— С. 126-127.
36. Земсков А. И. Документоведение — было, есть и будет (Обзор зарубежных публикаций) // Науч. и техн. б-ки.— 2006.— № 7.— С. 66.
37. Столяров Ю. Н. Теория относительности документа // Науч. и техн. б-ки.— 2006.— № 7.— С. 73-78.
38. Плешкевич Е. А. Основы общей теории документа.— Саратов, 2005.— С. 95.
39. Гиляревский Р. С. Развитие принципов книгоописания: краткий очерк.— СПб., 2008.— С. 47-106.
40. Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 2.— М., 1959.— С. 170-213.
41. Эйдельман Б. Ю. Библиотечная классификация и систематический каталог: Учеб. пособие.— М., 1977.— С. 100-107.
42. Гельман-Виноградов К. Б. О сложностях трактовки понятия "документ" и способах их преодоления // Делопроизводство.— 2005.— № 2.— С. 16-24.
43. Воробьев Г. Г. Документ: информационный анализ.— М.: Наука, 1973.— 255 с.
44. Столяров Ю. Н. Борьба за научную истину, а не за место под солнцем // Библиография.— 2007.— № 2.— С. 56.
45. Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения.— М., 2004.— С. 61-62.
46. Леонов В. П. Книга как космический субъект // Библиотековедение.— 2006.— № 6.— С. 18-21.
47. Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемерова.— М., 2004.
48. Homo legens. Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929-1995).— М., 1999.
49. Читающий мир и мир чтения: Сб. статей.— М.: Изд-во "Рудомино", 2003.— 190 с.
50. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая.— М., 2006.— С. 13-37.

Материал поступил в редакцию 20.01.09.

УДК 002.1-027.21:069.01

12-18

Е. А. Плешкевич

Общая теория документа и теория музееведения: точки пересечения

Обсуждаются теоретические проблемы использования документного подхода в музееведении. Предлагается рассматривать музей как информационную систему, в основе которой лежат протодокиментные коммуникации, а экспозиция — в качестве протодокимента.

Ключевые слова: документ, музейный предмет, музейный документ, документный подход, музееведение, музейная экспозиция, документирование, сведения, сообщение, протодокимент.

Практическим результатом формирования теоретических знаний о документе выступает методологическое обеспечение научных дисциплин, использующих документный подход и, соответственно, документационные понятия. В значительной степени это касается музееведения, где важное зна-

чение имеет теоретическое обоснование объекта музейной деятельности и где на протяжении длительного времени наравне с предметным и иными подходами используется документный подход.

Первоначально методологической основой использования документного подхода стала так на-

зывается **источниковедческая концепция** документа, согласно которой под документом понимался любой носитель информации, вовлеченный в научный или познавательный процесс. Данная концепция начала разрабатываться историками в XIX в. для обозначения различных носителей исторической информации. В качестве вариантов предлагались термины “источник”, “след”, “памятник”, “документ”. Известный французский историк Шарль Сеньобос заменил термин “исторический источник” термином “документ”, определив его как “след исчезнувшего факта” — иногда в форме материального предмета, но чаще в форме записей, составленных людьми, которые сами видели эти факты [1, с. 5]. Предложенная французами терминологическая замена была поддержана в России. Так, например, Н. И. Кареев определял исторические источники как документы [2, с. 85–86], другой теоретик источниковедения — Н. Н. Козьмин — отмечал, что документы — это те следы, которые оставили думы и деяния живших в прежнее время людей [3, с. 80–83]. В этом же значении термин “документ” был закреплен в “Новом энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона”*. Понимание документа как источника или доказательства легло в основу понимания “документирования” как обоснования документами, а “документированного” — как основанного на документах.

В начале XX в. источниковедческая концепция получила развитие в работах Поля Отле, который включил в состав документации не только документы, но и музейные коллекции, назвав музейные экспонаты “объективной документацией” [5, с. 191]. В 1930-х гг. в издании “Международный путеводитель по архивам” документ определялся как всякий материальный источник познания, пригодный служить для справки, изучения чего-либо или доказательства [6, с. 59–60]. В качестве примеров были приведены рукописи, печатные произведения, графические изображения, иллюстрации, музейные предметы.

На смену источниковедческой концепции документа в 1940–1950-х гг. приходит **информационная концепция**. В швейцарском путеводителе по документам им считается всякий предмет, могущий чему-либо научить, помогающий изучению и имеющий силу доказательства, например, рукописи, печатные издания, графические или художественные произведения, объекты коллекционирования и т. д. (цит. по [7, с. 168]). В 1950-х гг. этот подход получает поддержку среди документалистов. “Можно ли назвать документом звезду? Является ли документом камень, который катит поток? Является ли документом животное?” — спрашивает известный французский документалист Сюзана Брие и отвечает: “Нет. Но документами являются фотографии и каталоги звезд, камни в минералогическом музее, животные, описанные в каталоге и выставленные в зоопарке” (цит. по [7, с. 168]). Такой подход, отмечал впоследствии Г. Воробьев, позволяет включить в состав документных фондов не только архивы и библиотеки, но также музеи и выставки [8, с. 8].

Выделение информации в качестве объекта изучения, а документа как информационного объекта привело к формированию информационного

подхода, имеющего междисциплинарный характер. В рамках информационного подхода в 1970-х гг. А. И. Михайлов, А. И. Черный и Р. С. Гиляревский расширили понятие документа, включив в него не только носители вторичной информации — книги и рукописи, но и произведения искусства, нумизматические памятники, музейные экспонаты минерального, ботанического, зоологического или антропологического характера [9, с. 81]. Статус документа они закрепляли за любым материальным объектом, который фиксирует или подтверждает какие-либо знания и может быть включен в определенные собрания. Таким образом, в рамках информационного подхода в качестве обобщающего понятия было предложено использовать “документ” не только для объектов, традиционно определяемых как документы, но и для других, в частности, для музейных предметов. Документирование при этом рассматривается как совокупность процессов сбора, анализа, преобразования, хранения, поиска и распространения информации, систематически осуществляемых каким-либо учреждением [10, с. 136].

В документоведении в структуре информационного подхода был выделен документационный подход. Однако мы полагаем, что более удачным обозначением данного подхода является термин “документный”, а не “документационный”, поскольку “документный” охватывает не только документацию, т. е. документы в обыденном смысле, но и объекты, которые в обыденном понимании не являются документами, но при этом обладают документным статусом. Базовым элементом **документного подхода**, основы которого были заложены в документоведении К. Г. Митяевым, выступает понимание документа как результата документирования: документ, отмечал он, это результат сознательно запечатления (документирования) информации о явлениях объективной действительности различными способами в целях надежной передачи этой информации во времени и на расстоянии, при обязательной идентификации запечатленного на языке слов [11].

Одним из основных понятий, отражающих объект музееведения, является понятие “музейный предмет”, которое было введено в научный оборот в начале 1930-х гг. Н. М. Дружининым. Известный теоретик музееведения А. М. Разгон определил его как предмет, извлеченный из окружающей среды и депонированный в музее, обладающий свойством длительной физической сохранности, носитель семантической и эмоциональной информации, аутентичный источник, являющийся культурно-исторической ценностью [12, с. 177]. Междисциплинарный статус информационного и документного подходов позволил ряду исследователей использовать их в музееведении и ввести в теорию музееведения их основные понятия.

Одними из первых термин “документ” в музееведении стали использовать чешские ученые З. Странский (Stránský Z.) и И. Бенеш (Beneš J.), которые рассматривали “музейный предмет” в качестве документа и определяли деятельность музея как музейное документирование. “В процессе отбора, — отмечал З. Странский, — подлинный

* “Документ в обширном смысле, — отмечал в энциклопедической статье А. Гойхбарг, — всякий неодушевленный предмет, содержащий в себе следы человеческой мысли и деятельности” [4].

предмет преобразуется в документ, удостоверяющий реальность. Между реальностью и документом нет промежуточного звена, значит, не бывает и искажений, столь частых в обычных каналах передачи информации” (цит. по [12, с. 180]). В 1980-х гг. в отечественном музееведении стала формироваться **информационно-источниковедческая концепция** документа. В первую очередь это нашло отражение в работах А. М. Разгона, который определял музееведческое источниковедение как документирование, и И. В. Ключкиной, которая развивала понятие “музейное документирование”.

В рамках данного направления было предложено использовать термин “документ” как обобщающий по отношению к термину “музейный предмет”. В музееведении, отмечает И. В. Ключкина, термин “документ” понимается на информационно-историческом уровне [13, с. 60]. От информационного подхода была взята информационная природа документа, от источниковедения — тот аспект, что статус документа присваивается любому историческому источнику. Таким образом, под документом в музееведении было предложено понимать источник социально значимой информации, включая и вещественные источники. Именно в таком контексте термин “документ” определен в “Кратком словаре музейных терминов”^{***}. При этом под музейным предметом было предложено понимать документальные свидетельства определенных фактов, событий, явлений, реальные первоисточники знаний об историческом процессе, которые становятся частью социальной памяти общества [13, с. 63].

В начале 1990-х гг. Э. Хан-Пира предложил ввести термин “музейный документ” [15]. Методологическим основанием расширенной трактовки документа, позволяющей придать музейному предмету документный статус, выступает, по его мнению, понимание документа как синтеза семантической (смысловой) информации и материального носителя.

Сегодня документный подход, основанный на широком понимании документа, находит выражение в работах библиотечно-книговедческой направленности. Так, А. В. Соколов определяет документ как стабильный вещественный объект, предназначенный для использования в социальной коммуникации в качестве завершеного сообщения, и называет одним из его признаков предназначенность для использования в коммуникационных каналах. “Документальный статус, — отмечает он, — может быть придан объектам, первоначально не предназначенным для коммуникационных целей. Историко-культурные, этнографические, археологические экспонаты признаются документами, так как они несут смысл, который может быть “прочитан”, расшифрован подобно тексту” [16, с. 44].

Эти предложения до сих пор не были поддержаны музееведами. Мы полагаем, что синтез семантической информации и материального носителя создает сообщение, а не документ. Для возникновения документа необходим процесс документирования.

^{***}Документ — это информация, закрепленная на материальном носителе с помощью слова (письменность, звукозапись) или изображения, предназначенная для использования в общественной практике. Служит свидетельством фактов, событий, явлений. Документом иногда называют любой исторический источник [14, с. 112].

Замена термином “документ” традиционного термина “музейный предмет” имеет, на наш взгляд, два недостатка:

1) Сложность в определении границ термина “документ” и, соответственно, его размывание. Это было свойственно не только музееведению, но и другим дисциплинам. В том же источниковедении с критикой расширительного использования термина “документ” выступил С. М. Каштанов. По его мнению, складываются тенденции подмены термина “источник” термином “документ” [17]. Исследователь отмечает необоснованность данной замены, называя этот процесс художественным штампом, стирающим разницу между родами, видами и надвидами источников. Термин “документ” он предлагает использовать для обозначения источников правового характера, т. е. в рамках сложившегося бытового восприятия данного термина. Кроме того, наличие в музейных экспозициях материалов научно-вспомогательного характера, являющихся либо копиями, либо муляжами, специально изготовленными для представления их в экспозиции, делает использование терминов “документ” и “документирование” в их источниковедческом понимании невозможным.

2) Расхождение с пониманием документа, предлагаемым в документном подходе. Постепенно произошел отказ от использования термина “документ” и замена его обобщающим термином “музейный предмет”, под которым понимается предметный результат человеческой деятельности или движимый памятник естественной истории, ставший объектом ценностного восприятия и включенный после соответствующей научной обработки в состав музейного собрания [18, с. 55].

В настоящее время вопрос соотношения терминов “документ” и “музейный предмет” решен в пользу второго. В качестве сущностных признаков, отличающих музейный предмет от документа, выделяются: во-первых, искусственность документа: документ может быть создан только человеком; в качестве музейного предмета могут выступать объекты, созданные природой, т. е. без участия человека; во-вторых, целевая заданность: документом признается только тот объект, который изначально создавался как документ; большинство музейных предметов создавались с иными, утилитарными, а не информационными целями. Отсутствие данных признаков, считает Т. Ю. Юренева, не позволяет придать документный статус музейным предметам, под которыми в настоящее время понимается движимый объект природы или материальный результат человеческой деятельности, который в силу своей значимости для музейного использования изъят из среды бытования и включен в состав музейного собрания [19, с. 326].

* * *

Информационно-источниковедческая концепция документа связана в музееведении с пониманием

музея как научного и образовательного учреждения, основанного на собирании музейных коллекций. Способность музея выполнять научно-образовательную функцию наша своё отражение в понимании документирования как доказательной процедуры. При этом первоначально "документирование" связывалось с теоретической разработкой документирования музеями исторического процесса развития общества. Позже содержание понятия распространилось и на явления природы.

На начальном этапе понятие "документирование" использовалось в сложившемся контексте. В самом общем смысле, отмечает Ю. П. Пищулин, под документированием понимается доказательство и подтверждение посредством музейных предметов объективных процессов и явлений общественной жизни и природы [20, с. 3]. Документирование любого изучаемого явления, пишет Л. В. Лашкевич, базируется на точности, достоверности, полноте раскрытия заложенной в нем информации [21, с. 3].

Несколько иного подхода придерживался А. М. Разгон, который определял научное документирование исторических процессов и явлений как выявление (музееведческая эвристика) и отбор носителей информации, имеющих признаки предметов музейного значения, и включение их в фондовые коллекции [12, с. 180]. Иными словами, документирование связывается с процедурой комплектования музейного собрания в целом.

Несколько иной смысл в понятие "документирование" вкладывает В. Дукельский, отмечая, что "документировать" значит "собрать и зафиксировать всю возможную информацию о предмете, его связях со средой бытования" [22, с. 36]. Таким образом, процесс документирования рассматривается как информационный процесс превращения "предмета музейного значения" в "музейный предмет". Чтобы превращение предмета музейного значения в музейный предмет стало реальностью, отмечает исследователь, его необходимо найти и документировать, доставить и сохранить, изучить и включить в музейное собрание [22, с. 37]. Иными словами, документирование — один из элементов формирования музейного предмета. Данный подход полностью соотносится с документным подходом, поскольку автор говорит о документировании информации, выявленной в ходе изучения предмета, имеющего музейное значение, что действительно имеет место при описании предмета, его этикетке и т. д. При этом музейный предмет — это комплекс, включающий музейную вещь и сопроводительную документацию учетного и научного характера. Сам предмет и относящаяся к нему научная документация составляют неразрывное целое — в этом, отмечает В. Дукельский, сущность музейных материалов и их отличие от предметов музейного значения, принадлежащих частным лицам или хранящихся в различных учреждениях [22, с. 36]. Очевидно, что в результате документирования единый документ или музейный документ не возникают.

Анализ предлагаемых определений свидетельствует, что они отражают как источниковедческую концепцию, связывая документирование с источниковедческим поиском, исследованием и обоснованием, так и делопроизводственную, связывая документирование с фиксацией информации, относящейся к предметам музейного значения. Разница

между ними в том, что первые связывают процедуру документирования с музейным собранием, а определение В. Дукельского — с музейным предметом. Технологически музейное документирование предстает перед нами либо как комплектование фондов, либо как один из элементов формирования музейного предмета. Двойственность толкования одного из базовых терминов документного подхода затрудняла его использование в музееведении.

Попытку разрешить данное противоречие предприняла И. В. Ключкина, которая отмечала, что термин "документирование" был введен в музееведческую литературу стихийно, без точного определения границ употребления и сущности понятия, обозначаемого этим словом [13, с. 58]. В качестве решения она предложила использовать термин "документирование" как в делопроизводственном, так и в специфическом музееведческом значении. Методологически это решилось посредством уже ранее использовавшегося приема разделения на "узкий" и "широкий" смысл.

В "узком" смысле под документированием было предложено понимать деятельность по закреплению в соответствующих музейных документах информации, полученной в процессе атрибуции и научной обработки поступающих в музей предметов. Иными словами, это документирование деятельности по поиску, отбору, комплектованию музейного фонда. В качестве примера приводится учетно-хранительная деятельность музея, где документирование рассматривается как письменное описание музейных предметов на различных стадиях их бытования. Данный контекст понятия "документирование" соответствует сложившемуся в документо-ведении подходу.

Документирование в "широком" смысле, определяемое как "научное", связано с музейной функцией, которая однозначно оценивается музееведами как основополагающая, определяющая всю специфику деятельности музея, его роль и место в системе науки и культуры. Именно поэтому мы определяем его как функциональное. В обобщенном виде (широко-функциональном контексте. — Е. П.) эта функция, отмечает И. В. Ключкина, предполагает целенаправленное отражение в музейном собрании посредством музейных предметов объективных процессов в природе и обществе, которые изучаются музеем в соответствии с его профилем и местом в музейной сети [13, с. 65].

В узко-функциональном контексте под документированием общественного развития понимаются все виды деятельности музея по формированию музейного собрания. Оно определяется как музейное документирование и включает цепь музейно-специфических операций. В работе И. В. Ключкиной, опубликованной в 1987 г., к нему отнесено: 1) изучение процессов исторического развития общества; 2) выявление и отбор характеризующих это развитие предметов музейного значения для комплектования фондов музея в соответствии с его профилем; 3) сохранение музейных предметов; 4) разно-стороннее их изучение для использования музеем и профильными дисциплинами; 5) фиксация результатов исследования [13, с. 65]. В работе, вышедшей два года спустя, музейно-специфические операции включают: 1) изучение и отбор социально значимых явлений и процессов, подлежащих документированию; 2) выявление, отбор, изучение

многосторонних связей предметов музейного значения с изучаемыми (документируемыми) явлениями и процессами; 3) экспертиза ценности предметов музейного значения и включение их в состав музейного собрания; 4) сохранение и разностороннее изучение музейных предметов для использования музеем и профильными дисциплинами; 5) фиксация результатов исследования [23, с. 87]. Анализ предлагаемой автором цепи операций, составляющих процедуру документирования, свидетельствует о том, что документирование в данном аспекте есть не что иное, как комплектование музейного фонда.

“Широкое” понимание документирования определено для музееведения как основное, “узкое” — как сопутствующее и вторичное. Музейное документирование, связанное с непосредственными видами деятельности музея, было предложено подразделять на активный и пассивный виды. Активное документирование связано с документированием современности, пассивное — с документированием прошлого.

Подводя итоги, можно отметить, что И. В. Ключкина закрепляет и раскрывает сформулированное ранее понятие собственно музейного документирования как части социальной функции музея по документированию исторического процесса; в качестве музейных средств документирования определены музейные предметы [23, с. 87, 88, 93]. Целью документирования выступает формирование в рамках музейных собраний коллекций, отражающих историческую действительность. Автор предлагает создать единую систему документирования современности, охватывающую все виды музейной деятельности. Наличие такой системы, по ее мнению, позволит превратить музей в центр, выполняющий роль специфической информационной системы, обеспечивающей социальную память общества [23, с. 101].

Определение документирования как процесса представления действительности, на наш взгляд, не вполне корректно. В данном случае мы считаем более уместным говорить о познавательной или когнитивной функции музея, где основным методом выступает моделирование природных и социальных явлений. В одной из работ И. В. Ключкина сама определяет это как “музейную форму отражения исторической действительности” [23, с. 90]. В противном случае под документирование можно подвести деятельность зоопарка по формированию коллекций животных, а под документом понимать жирафа из зоопарка. Несмотря на использование информационного подхода автор стоит ближе к источниковедческой концепции документа и документирования. В процессе документирования современности, пишет она, мы имеем дело с источниками исторической информации [23, с. 91].

Технологически документирование представлено как совокупность работ по формированию музейного собрания, включающая как непосредственно музейные работы по комплектованию, так и документирование данных работ. Однако если в результате документирования в узком смысле возникает сопутствующая документация, то что возникает в результате музейного документирования? Музейное собрание, музейные коллекции, экспозиции или предметы? Четкого ответа автор не дает.

Не вполне понятно, как соотносится документирование с теорией и методикой отбора музейных материалов [24]. При этом собственно документоведческий аспект понятия “документирование” остался практически не раскрытым.

Описанная выше концепция не получила развития. В настоящее время музейное документирование понимается только в широком смысле — как деятельность, посредством которой музей выявляет и отбирает объекты природы и созданные человеком предметы, которые могут выступать подлинными (аутентичными) свидетельствами объективной реальности [19, с. 327].

Мы полагаем, что использование документного подхода в тот период было существенно ограничено недостаточностью методологического обоснования самого подхода. Документный подход развивался преимущественно в музееведении и библиотечно-книговедческих дисциплинах, причем в каждом из направлений формировалась собственная методология. С формированием общей теории документа появилась возможность не только разрешить противоречия между направлениями, но и использовать методологию общей теории в смежных дисциплинах.

* * *

Общая теория документа основывается на информационной природе документа, которая признавалась всеми исследователями, однако при этом каждый из них базировался либо на функционально-кибернетической, либо на атрибутивной концепции информации. Согласно функционально-кибернетической концепции природы информации, информация возникает лишь в самоорганизующейся системе, в качестве управляющего сигнала. В рамках атрибутивного подхода информация рассматривается как отражение, как неотъемлемое внутреннее свойство всех материальных объектов, при этом она существует не только в живой природе. Один из ведущих исследователей — Ю. Н. Столяров — определяет информацию как семантическую составляющую результата отражения материальной реальности [25, с. 4]. Информация — это сторона материи (или материя — сторона информации), она постоянно продуцируется в результате всех многочисленных взаимодействий физических объектов, отмечает Н. Б. Зиновьева [26, с. 5].

Мы полагаем, что эти концепции отражают разные аспекты информации и поэтому не противоречат друг другу: просто каждая из них описывает разные организационные формы, которые принимает информация в соответствующем информационном процессе. Информация как отражение материального мира принимает форму *сведений* — набора характеристик или параметров, выделенных нашим сознанием из информационного потока, отражаемого объектом. Набор характеристик, составляющий структуру сведений об объекте, задается наблюдателем индивидуально, в соответствии с решаемыми задачами.

В отличие от атрибутивной, функционально-кибернетической концепции не признает существование информации в неживой природе и описывает информационный процесс, который возникает в сложных самоорганизующихся системах в процессе коммуникации. В рамках данной концепции информация — это сигнал, который принимает форму *сообщения*.

Общая теория документа связывает возникновение документа с деятельностью функционально-кибернетической системы, генерирующей информацию в виде сигналов. В этом аспекте под документом понимается информационное сообщение, зафиксированное на материальном носителе и включенное в определенную информационно-документационную систему, в рамках которой оно выполняет возложенные на него автором функции [27]. Информация о включении сообщения в систему и о самой системе содержится в специальных информационных элементах — реквизитах. Таким образом, сущностным элементом документа выступает не просто информация, зафиксированная на материальном носителе, как это трактовалось прежде, а форма представления этой информации в виде сообщения как форма организации информации для передачи ее во времени и пространстве. Нет сообщения — нет документного статуса.

Что же является сообщением в музейной коммуникации? Можно ли музейный предмет, который, безусловно, является носителем информации, рассматривать в качестве сообщения и, соответственно, ставить вопрос о его документном статусе? Мы полагаем, что нет. Предмет музейного значения, продуцированный либо человеком, либо природой, создавался не для участия в коммуникационном процессе. При этом информация, отражаемая этим предметом, имеет организационную форму сведений. Для музейного предмета структуру сведений составляет информация о физических и функциональных характеристиках предмета, аспектах его бытования и т. д. Таким образом, информационная природа музейного предмета не позволяет наделить его документным статусом.

Однако музейная коммуникация, безусловно, существует. Мы полагаем, что в качестве сообщения выступает не музейный предмет или предмет музейного значения, а музейная экспозиция. С информационной точки зрения это сообщение, состоящее из некоторого множества элементов, которые передают семантическое значение лишь в совокупности, имеет аналоговую природу***. Можно предположить, что экспозиция как сообщение имеет дискретную форму, поскольку всегда построена на конечном числе музейных предметов. Минимальными элементами экспозиции как сообщения выступают не сами музейные предметы, а совокупности их атрибутивных свойств (форма, размер, вес и т. д.), представленных сквозь призму социальных связей. Поэтому мы считаем, что экспозиция как сообщение имеет аналоговую природу.

Информационное сообщение включает два вида информации: семантическую и структурную. Семантическая информация направлена на снятие неопределенности у потребителя информации, на увеличение его тезауруса и передается в ходе прямой коммуникации. Структурная информация отражает информацию о структуре сообщения. Она направлена на автокоммуникацию, на порождение новых смыслов на основе личного опыта и аналогий. Это наиболее ярко демонстрируют такие свойства, как аттрактивность музейного предмета, т. е.

его способность привлекать внимание, и экспрессивность как способность воздействовать на эмоциональность.

Включение информационного сообщения в информационно-документационную систему позволяет ему выполнять функции, возложенные на него автором, опосредованно, в то время как отсутствие такой системы позволяет выполнить информационные функции только в ходе прямой коммуникации. Сообщение, не включенное в информационно-документационную систему, определяется нами как *протодокумент* [29]. Музейная экспозиция как сообщение может выполнять информационные функции только в ходе прямой коммуникации — в музее как учреждении, его генерировавшем. Вне музея экспозиция не может выполнять информационные функции. Данное обстоятельство позволяет говорить лишь о протодокументном статусе экспозиции.

В качестве предварительных выводов можно отметить следующее:

1. Использование общей теории документа позволяет рассматривать музей как информационную систему, в основе которой лежат протодокументные коммуникации. Экспозиция выступает в качестве аналогового сообщения музейной коммуникации, информационными элементами которого являются атрибутивные свойства музейных предметов.

2. Термины “музейный документ” и “документирование”, использовавшиеся в теории музееведения, не раскрывают природу музейной коммуникации, и их использование представляется нам нецелесообразным. При этом музейный предмет следует рассматривать с культурологической точки зрения, а понятие “документирование” стоит связывать лишь с документированием информации в процессе трансформации предмета музейного значения в музейный предмет, т. е. с его документо-ведческим контекстом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сеньобос Ш. Исторический метод в применении к социальным наукам / Пер. с фр. — М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1902.
2. Кареев Н. И. Теория исторического познания. — СПб., 1913.
3. Пушкарев Л. Н. Определение исторического источника в русской историографии XVIII–XX вв. // Археографический ежегодник за 1966 год. — М.: Наука, 1968. — С. 75–86.
4. Гойхбарг А. Г. Документ // Новый энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона / Под общ. ред. К. К. Арсеньева. — [Б. м., б. г.] — Т. 16. — С. 532–533.
5. Отле П. Трактат о документации // Отле П. Библиотека, библиография, документация: Избранные труды пионера информатики / Рос. гос. б-ка; Пер. с англ. и фр. Р. С. Гиляревского и др. — М.: ФАИР-ПРЕСС: Пашков дом, 2004.
6. Русняков Н. В. Документация на Западе // Сов. библиография. — 1937. — № 3. — С. 59–70.

***Разделение сообщений на аналоговые и дискретные предложено автором статьи. К дискретным сообщениям относятся сообщения, построенные на основе конечного множества элементов (например, алфавит, где множество ограничено репертуаром заранее определенных букв), несущих заранее определенное единичное семантическое значение. Это позволяет однозначно кодировать и декодировать. Аналоговое сообщение состоит из бесконечного множества элементов, при этом единичное значение передается через некоторое множество элементов. В силу этого декодирование аналоговых сообщений строится на основе имеющихся аналогий и в отличие от дискретного сообщения имеет бесконечное множество вариантов декодирования [28].

7. Ступникова Т. С. Некоторые вопросы документации // Библиотековедение и библиография за рубежом.— М., 1959.— Вып. 2.— С. 165–175.
8. Воробьев Г. Г. Документ: информационный анализ.— М.: Наука, 1973.
9. Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Основы информатики.— М.: Наука, 1968.
10. Словарь терминов по информатике.— М., 1971.
11. Митяев К. Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения.— 1964.— № 2.— С. 27–37.
12. Разгон А. М. Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и материалы.— М.: Наука, 1984.— С. 174–183.
13. Ключкина И. В. Документирование как общенаучное понятие и его содержание в музееведении // Актуальные проблемы советского музееведения: Сб. науч. трудов / ЦМР.— М., 1987.— С. 57–67.
14. Краткий словарь музейных терминов // Музеи и памятники культуры в идейно-воспитательной работе на современном этапе: Труды НИИ культуры № 126.— М., 1983.
15. Хан-Пира Э. Что такое “документ” // Сов. музей.— 1991.— № 1.— С. 33–35.
16. Соколов А. В. Коммуникационная деятельность и коммуникационные явления // Науч. и техн. б-ки.— 1994.— № 9.— С. 41–55.
17. Каштанов С. М. С. О. Шмидт и проблема определения исторического источника // Источниковедение. Проблемные лекции: Учеб.-метод. модуль / Сост.: Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева.— М.: РГГУ, 2005.— С. 130–134.
18. Дукельский В. Ю. Терминологические проблемы теории музейного предмета // Музей и современность: Сб. науч. трудов / ЦМР.— М., 1986.— С. 51–55.
19. Юренева Т. Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы.— М.: Академический проспект, 2003.
20. Пищулин Ю. П. Социальные функции советского музея // Музейные термины. Терминологические проблемы музееведения: Сб. науч. трудов / ЦМР.— М., 1986.— С. 3–10.
21. Лашкевич Л. В. К вопросу о научной обработке музейных предметов в процессе их учета // Актуальные проблемы фондовой работы музеев. Научная обработка музейных предметов: Труды НИИ культуры № 99.— М., 1981.— С. 3–39.
22. Дукельский В. Музейный предмет // Сов. музей.— 1986.— № 1.— С. 36–37.
23. Ключкина И. В. Документирование современности музеями РСФСР в 1960-х — начале 1980-х гг. (Теория и практика) // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности: Сб. науч. трудов / НИИ культуры.— М., 1989.— С. 84–101.
24. Кондратьев В. В. Вопросы отбора материалов современности в музейное собрание // Формирование и изучение музейных коллекций по истории советского общества: Сб. науч. трудов / ЦМР.— М., 1982.— Вып. 13.— С. 39–46.
25. Соколов А. В. О Ю. Н. Столярове и “Сущности информации” // Столяров Ю. Н. Сущность информации.— М., 2000.
26. Зиновьева Н. Б. Новый взгляд на природу информации // НТИ. Сер. 1.— 2003.— № 11.— С. 1–9.
27. Плешкевич Е. А. Основы общей теории документа.— Саратов: Научная книга, 2005.
28. Плешкевич Е. А. О понятии прерывности в документационной науке // НТИ. Сер. 1.— 2008.— № 1.— С. 11–16.
29. Плешкевич Е. А. Протодокументные коммуникации: новая категория коммуникационных технологий // Науч. и техн. б-ки.— 2006.— № 12.— С. 13–22.

Материал поступил в редакцию 16.01.09.